

УДК 930.85; 811.512.31

Д.Д. Трезубова

**«ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО»
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920–1930-е ГОДЫ**
*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, inionran@mail.ru*

Бурят-Монгольская АССР была образована в 1923 г. Как и на остальной территории СССР, создание национальной государственности в БМ АССР происходило на основе развития народного хозяйства, социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. Языковое строительство, проводившееся в республике в 1920–1930-е годы, в ходе которого неоднократно менялась алфавитная и диалектная основа бурятского литературного языка, до сих пор является объектом пристального внимания участников дискуссии по проблемам его сохранения и развития.

Ключевые слова: нациестроительство; национальная политика СССР; языковая политика СССР; старомонгольская письменность; латинизация письменности; переход на кириллицу; бурятский язык.

Поступила: 25.04.2017

Принята к печати: 10.05.2017

D.D. Tregubova

**«Language construction» in the 1920–1930 s
in the Buryat-Mongolian ASSR**

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, inionran@mail.ru*

The Buryat-Mongolian ASSR was founded in 1923. As in the other USSR territories, the formation of national statehood here was based on the development of national economy, socialist industrialization, agricultural collectivization and Cultural Revolution. During the «language construction» which was carried out in the republic in 1920–1930 s the alphabetic and dialect basis of the Buryat literary language was repea-

tedly changed. This period of language policy still remains to be a subject of close scrutiny for participants of the discussion on problems of its preservation and development.

Keywords: nation building; the USSR national policy; the USSR language policy; Old Mongolian script; latinization of writing; transition to Cyrillic alphabet; Buryat language.

Received: 25.04.2017

Accepted: 10.05.2017

Введение: Некоторые особенности советской национальной политики

Отмечая столетие Великой Октябрьской социалистической революции, исследователи продолжают рассуждать о том, каким образом удалось сохраниться молодому советскому государству, располагавшемуся к концу 1918 г. примерно в границах средневековой Московии до завоевания Ивана Грозного. И как получилось так, что всего лишь четыре года спустя разные части бывшей империи были вновь объединены, а по силе сплоченности созданный СССР прежней империи по меньшей мере не уступал [Карп, 1990, с. 209; Мاستюгина, Перепелкин, Стельмах, 2013, с. 171].

Органичной частью нового государства стала территория этнической Бурятии. Органичной потому, что еще в XVII в. бурятские земли входили в состав Российской империи, а также потому, что созданная бурятская республика в общем разделила судьбу других созданных советских республик.

В апреле 1921 г. образовалась Бурят-Монгольская автономная область в составе Дальневосточной республики, в январе 1922 г. — Монголо-Бурятская Автономная область в составе РСФСР. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление о слиянии Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР в Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. К 1923 г. впервые созданная Бурят-Монгольская АССР объединяла в своих границах практически все территории, на которых достаточно компактно проживали буряты. Первоначально БМАССР числилась в составе Сибирского, затем Восточно-Сибирского края, а с начала 1937 г. находилась в непосредственном подчинении Российской Федерации.

Как и на остальной территории СССР, создание национальной государственности в БМ АССР происходило на основе развития народного хозяйства, социалистической индустриализации,

коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. В процессе национально-государственного строительства в 1920–1930-е годы была в основном ликвидирована политическая, хозяйственная и культурная отсталость Бурятии [Доржиева, 2005, с. 57]. Но при этом традиционный хозяйственный уклад и существовавшая прежде система воспитания с передачей из поколения в поколение ценных хозяйственных знаний оказались подорваны [Крадин, 2014, с. 205–208]. Результатом политики конструирования бурятской социалистической нации и переселенческой политики советского руководства стало складывание в БМ АССР своеобразной этнической общности, обладающей менталитетом титульного этноса, но не составляющей большинства населения республики.

Противоречивые оценки советского периода в современной бурятской историографии не случайны. Бурятия получила тогда автономию и положение «младшего брата» в России; «в официальное название республики был введен этноним – но его носители скоро оказались в этой республике в меньшинстве; все религии обрели равенство – но то было равенство бесправия перед лицом господствующей советской идеологии; была осуществлена национализация школ – однако воспитание в этих школах не было национальным бурятским; произошло социальное и культурное выравнивание бурятского народа, что объективно способствовало его единению, – но при этом его этноареал был произвольно рассечен административными границами, а сам процесс интеграции бурят в нацию в значительной мере отставал от всемерно поощряемой властями интеграции в “новую историческую общность” – советский народ» [Строганова, 2001, с. 51].

В ходе кампании по подготовке национальных кадров наблюдался быстрый рост численности новой бурятской национальной интеллигенции. Высокий уровень лиц с высшим образованием среди нерусских народов всегда считался одним из достижений советской власти. Однако интересно замечание С.В. Чешко об отрицательных последствиях перепроизводства «национальных кадров», количество которых значительно превосходило потребности общества. В итоге они не находили применения своим знаниям, а главное – на всех не хватало привлекательных, престижных и денежных должностей, что порождало естественное недовольство и создавало почву для межэтнической конкуренции [Чешко, 1996, с. 194–195].

К числу основных упреков, предъявляемых советскому режиму с позиций настоящего времени, относятся произведенное в 1937 г. разделение республики на три части¹, нарушившее развитие народа как этнического целого, и переименование в 1958 г. БМ АССР в Бурятскую АССР, означавшее для бурят символический разрыв с историко-культурной общностью монгольских народов. Языковые эксперименты, проведенные в республике в 1930-е годы, считаются одной из главных причин кризисного состояния современного бурятского языка, между тем именно «языковая часть» программы партии большевиков была изначально наиболее привлекательной для национальных окраин.

Языковая политика СССР в 1920–1930-е годы

В целом языковая политика советского государства «исключает возможность ее однозначной характеристики», но основной ее идеей является всеохватывающее государственное регулирование и даже конструирование языковых процессов. Впрочем, похожую роль государство играло и во всех прочих сферах общественной жизни [Чешко, 1996, с. 121–122].

Необходимость существования единого государственного языка в многонациональном государстве большевиками отрицалась. Наряду с признанием права наций на самоопределение вплоть до отделения в резолюциях совещаний ЦК и партконференций встречается следующее рассуждение: «В капиталистическом обществе национальный мир был бы возможен при полном равноправии всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школами с преподаванием на местных языках и при широкой областной автономии и местном самоуправлении»². Не существовало официального го-

¹ В 1937 г. Восточно-Сибирская область была разделена на Иркутскую и Читинскую области, и из состава Бурят-Монгольской АССР были выделены Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ, отошедший к Иркутской области, и Агинский Бурят-Монгольский национальный округ, отошедший к Читинской области.

² До революции 1917 г. в наиболее развернутом виде национальная программа партии большевиков была изложена в материалах совещания ЦК партии

сударственного языка и в созданном позже СССР: «Догматизированная идеология ориентировалась на замечание Ленина о неприемлемости государственного языка как “полицейщины”» [Чешко, 1996, с. 120–121], но его функции, конечно, выполнял русский.

В период подготовки к X съезду РКП (б) (1921) созданию государственного союза, «борьбе за симпатии наций» придавалось особое значение. Большевики стремились к тому, чтобы показать те огромные преимущества, которые получают народы от вступления в этот союз. Партия обещала народам помощь в развитии и укреплении советской государственности в соответствующих их национальному облику формах: в создании суда, администрации и органов хозяйства, функционирующих на родном языке; в развитии прессы, школы, театра и просветительских учреждений на родном языке [Сталин, 1952, с. 24–25; Трофимов, 2013, с. 120]. И справедливо будет признать, что многие свои обещания большевики сдержали.

Невозможно, например, переоценить важность для развития культуры народов страны декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанного В.И. Лениным в 1919 г. [Декрет СНК, 1919]. Реализация его положений, введение начального образования на родном языке потребовали не только создания письменности для бесписьменных прежде народов (некоторых народов Севера и др.), но и составления и массового издания новых школьных учебников, строительства школ, подготовки учителей и т.д. [Козлов, 1982, с. 223]. Масштабное разъяснение национальной политики СССР проводилось в печатных изданиях, выходящих на 100 языках национальных меньшинств [Трофимов, 2013, с. 122].

В 1920-е – начале 1930-х годов проводился перевод различных форм письменности народов СССР, не пользовавшихся кириллицей, на самый интернациональный алфавит – латиницу. На основе латиницы создавалась и письменность для бесписьменных прежде народов. На данном этапе решения национального вопроса в СССР переход на латинский алфавит являлся хорошим аргументом против возможных упреков в «русификации» национальных культур [Козлов, 1982, с. 223]. Латинизация письменности нацио-

1913 г., состоявшегося в городе Поронино (Галиция, Австро-Венгрия) [Мастюгина, Перепелкин, Стельмах, 2013, с. 164–165].

нальных окраин служила также мерой предосторожности против возможного их отделения с последующим присоединением к культурно близким народам других государств: к концу 1920-х годов теория о возможности построения социализма в отдельно взятой стране уже доминировала над идеей мировой революции, отошедшей на задний план. От идеи латинизации русского алфавита в 1930 г. отказались.

В середине 1930-х годов «выявилась необходимость перевода письменности всех этих народов с латинского алфавита на русский», – писал в 1982 г. В.И. Козлов [Козлов, 1982, с. 224]¹. Представляется, что за словосочетанием «выявилась необходимость» стоят накалившаяся международная обстановка 1930-х, рост внешней опасности, а также сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В 1937 г. Сталин говорил: «Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм. Необходимо помнить все это и быть начеку» [03 марта 1937 г. Вечернее заседание... – эл. ресурс].

Переход на кириллицу совпал по времени с усилением позиций русского языка на всей территории СССР. В 1938 г. было принято специальное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) – эл. ресурс], эти меры благоприятствовали повышению уровня владения русским языком среди народов СССР. Русский язык был, а на территории России и сегодня является основным языком межнационального общения, высшего образования, науки и техники.

Единого мнения о собственно языковой целесообразности перехода на кириллицу, как и единого мнения о роли в этом переходе идеологических мотивов властей, среди лингвистов нет. Интересно, что категоричное утверждение о том, что переход на ки-

¹ Оригинальные алфавиты сохранились у армян и грузин; алфавиты вошедших в состав СССР в 1940 г. народов Прибалтики остались латинизированными.

риллицу нанес вред соответствующим языкам, обычно исходит не от лингвистов. Однако графическая унификация (русификация) языков многих народов является его бесспорным результатом. Неизвестно, было ли это этапом на пути к полной языковой унификации, но в источниках постановка такой задачи не обнаруживается [Чешко, 1996, с. 121–122].

«Языковое строительство» в Бурят-Монгольской АССР

Масштабно и динамично изменяющуюся языковую ситуацию в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы нельзя назвать уникальной.

В XVII – начале XX в. в религиозной практике и делопроизводстве буряты пользовались старомонгольским письмом, и в 1920-е годы, после создания республики, именно эта письменность послужила основой для создания бурятского литературного языка. В процессе «языкового строительства» в республике большое внимание уделялось становлению бурятской национальной школы, где преподавание велось на родном языке, и к 1930 г. все предметы в школах первой ступени преподавались на родном языке [Елаев, 2000, с. 192]. К сожалению, почти все школы в дацанах в это время были закрыты.

В 1920-е годы происходило становление бурятской профессиональной литературы, издательского дела и печати. На основе старомонгольской письменности создавались первые республиканские периодические бурятоязычные издания: газета «Буряад-монголун унэн», журналы «Уран угын чимэг», «Соелун хубисгал» и др. [Дондуков, 1998, с. 146]. В органах государственной власти и других учреждениях реформированная старомонгольская письменность использовалась наряду с русским языком [Елаев, 2000, с. 192]. Проводилась большая работа по созданию учебников, словарей и учебных пособий: в 1920-е годы изданы «Грамматика бурят-монгольского языка» Г.Ц. Цыбикова, «Учебная грамматика монгольского языка» Б. Бамбаева, «Русско-монгольский терминологический словарь» Б. Барадина и др. [Чимитдоржиев, 1996, с. 31].

Однако все это было уместным лишь до тех пор, пока Бурят-Монгольская АССР не перестала играть роль «форпоста социализма на буддийском Востоке» и пока не иссякла вера советского

руководства в возможность мировой революции. В конце 1920-х – начале 1930-х годов восприятие Бурятской республики союзным центром резко меняется, и теперь в ней в первую очередь видят национальное образование, представляющее опасность в силу своего приграничного положения [Елаев, 2000, с. 193–196], со всеми вытекающими последствиями.

Республиканское партийное совещание, прошедшее в ноябре 1930 г., осудило принятую ранее установку в области языковой политики, ориентированной на создание бурятского литературного языка на основе халхаского наречия и старомонгольской письменности; ориентация на «феодално-теократическую» культуру Монголии и Тибета отныне расценивалась как проявление «правого оппортунизма, местного национализма и контрреволюционного панмонголизма» [Елаев, 2000, с. 201–202]. Объединенный пленум ОК и ОКК ВКП (б) в сентябре 1931 г. сформулировал задачу выработки нового литературного языка, и в 1931 г. бурятский язык был переведен на латинскую графику и селенгинский диалект (самый близкий к халха-монгольскому языку), в 1936 г. – на хоринский диалект (хори-буряты являются самой крупной родоплеменной группой бурят) и в 1939 г. – на кириллицу, сыгравшую роль «алфавитного инструмента сплочения народов». Для обозначения специфических звуков бурятского языка были добавлены три буквы – ө, ү и һ. Нельзя не признать, что использующаяся на протяжении последних 80 лет кириллица упростила правописание и сделала более доступным обучение грамотности, а главное – обеспечила наиболее точную передачу фонем бурятского языка в сравнении с предыдущими формами письменности [Раднаева, 2000, с. 127–128].

Последствия языковых реформ?

Принимавший активное участие в языковом строительстве в Бурятии Н.Н. Поппе писал, что латинизация бурят-монгольской письменности не только представляла собой замену одного алфавита другим, но вместе с тем означала переход «от феодального, ламского литературного языка, языка эксплуататорского... паразитического класса, на литературный язык, построенный на разговорном языке широких трудовых масс» [Поппе, 1933, с. 22; Алпатов,

1996, с. 40]. Однако, как полагает научный сотрудник Института истории Монгольской академии наук Цонгоол Б. Нацагдорж (нередко цитируемый сегодня в социальных сетях), спущенный сверху, искусственный литературный язык так и не стал народным: «Народ на нем не читает и не пишет. Это грустно, но это так, большинство российских бурят не воспринимает его как свой, никто не хочет отвергать свой диалект в пользу литературного языка. Даже шэнэхэнцы, сохранившие свой хоринский бурятский диалект, не могут понять литературный бурятский. Для них это бурятскими словами написанные русские мысли. Образ мысли, даже строение предложения не монгольское. Поэтому русский язык – это объединяющий фактор для бурят всех родов. Буряты из разных районов, разных родов между собой говорят на русском, но не на литературном языке... литературный бурятский – это язык ниоткуда, и поддерживать его как он есть – это путь в никуда. Если бы мы у себя хар яриа (просторечие) взяли бы за основу, то и монгольский язык сегодня был бы в таком же состоянии, как бурятский у российских бурят. Основа современного монгольского – это не хар яриа, это высокий, книжный язык, который пошел в народ благодаря распространению грамотности, а не наоборот. В Бурятии в свое время отбросили письменный язык, назвав его феодальным» [Разговор в бистро СВ2 – эл. ресурс].

С отказом от старомонгольской письменности буряты оказались отчуждены от культурного наследия предков; те же, кто пытался обнародовать это наследие, объявлялись панмонголистами или буржуазными националистами. Всё, созданное на старомонгольской письменности, оказалось в Бурятии под запретом и в течение многих лет оставалось забытым [Буряты, 2004, с. 256]. В эпоху всепоглощающих надежд на светлое социалистическое будущее «зачеркнутое прошлое» не представлялось большой проблемой, но после перестройки стало восприниматься как трагедия. И в настоящее время интерес к изучению старомонгольской письменности в Бурятии довольно высок.

Алфавитная и диалектная основы бурятского литературного языка с 1939 г. не менялись. Однако вполне логичными выглядят как прекращение обучения на бурятском языке в 1973 г., так и приостановление преподавания бурятского языка в городских школах и даже в районах в 1976 г. после выхода указа об улучшении изучения русского языка как языка межнационального обще-

ния, когда все бурятские школы в административном порядке были переведены на русский язык обучения, а количество выпускаемой на бурятском языке литературы, а также передач по радио и телевидению сократилось [Как вывести из кризиса родной язык, 2001].

Безоговорочное доминирование русского языка в наиболее престижных сферах социальной деятельности часто имело отрицательные социально-психологические последствия, формируя у молодого поколения представления о непрестижности, «некультурности» родного языка, приводя к стремлению демонстративно говорить только по-русски. В результате наложения «на естественную языковую русификацию непродуманной, а то и тенденциозной языковой политики, возникло явление безъязычия, – когда человек не владеет в полной мере ни одним из языков и говорит на чем-то вроде пиджина или на своеобразном смешанном языке» [Чешко, 1996, с. 123–125]. Наверное, это один из самых неприятных итогов языковой политики советского времени, поскольку язык является одним из центральных элементов любой культуры.

Для того чтобы охарактеризовать сегодняшнее «самочувствие» бурятского литературного языка, приведем высказывание литературоведа и активного участника общественной дискуссии по вопросам его сохранения и развития – И.В. Булгутовой: «Чтобы <литература Бурятии> хоть как-то сегодня развивалась, достаточно... ввести простой механизм: начать платить гонорары (хоть какие-нибудь) авторам журналов “Байгал” и “Байкал” – нашим поэтам, писателям и критикам. Между тем, помнится, в 2015 году, в Год литературы, у нас в республике порывались даже закрыть журнал “Байкал” – дескать, денег нет. Но это был просто вопрос приоритета в работе наших чиновников, деньги на СМИ у прежнего руководства республики были – на оказание нужных им информационных услуг. Ну что в итоге мы имеем в литературной жизни республики сегодня? Программа по сохранению и развитию бурятского языка есть, а поддержки пишущих на бурятском языке нет. Катастрофически мало авторов сегодня пишет на родном бурятском языке, в основном это люди старшего поколения. В “Байгале” перепечатавают написанные еще в советское время произведения, и печатаются очень юные авторы и авторы преклонного возраста. Для современного издательского проекта “Антологии литературы народов РФ” еле-еле набрали авторов, пишущих на

бурятском языке, по определенным возрастным категориям, при этом об отборе по каким-то художественным достоинствам и т.д. речь вообще не шла» [Изучаем бурятский язык. – эл. ресурс].

Общепринятой является точка зрения, согласно которой в 1930-е годы в государственной политике в отношении бурятского языка был допущен ряд грубых ошибок. Но если полагать, что главной причиной того, что в 2002 г. бурятский язык внесен в атлас вымирающих языков ЮНЕСКО, является отход от старомонгольской письменности и переход на кириллицу, то возникает закономерный вопрос: почему переведенный на кириллицу в 1945 г. монгольский язык не испытывает подобных проблем? А если предположить, что главная причина сегодняшних трудностей кроется в выборе одного из диалектов в качестве основы для развития литературного языка, то почему под угрозой вымирания не находятся, например, латышский или литовский языки?

Как в пространстве Советского Союза, так и в пространстве Российской Федерации лидирующие позиции принадлежали и будут принадлежать русскому языку, и это вполне естественно. Равноправные статусы государственных языков (русского и нерусских) в российских республиках носят декларативный характер [Катунин, 2009, 2011]. И хотя культурное и языковое многообразие в России сегодня защищается государством [Указ Президента, раздел II, п. 10 – эл. ресурс]; а поддержка и защита языков народов России входят в число основных принципов государственной национальной политики Российской Федерации [Указ Президента, раздел III, п. 19 е – эл. ресурс], скорее всего, эта задача никогда не станет для государства приоритетной. В случае с бурятским языком она не приоритетна даже для депутатов Народного хурала: в апреле 2014 г. депутаты Народного хурала Республики Бурятия приняли соответствующую поправку к республиканскому закону об образовании, согласно которой обязательное изучение бурятского литературного языка в школах не предполагается.

К тому же, с позиций концепции глобальной языковой системы голландского социолога Абрама де Сваана, в сравнении с бурятским языком русский язык как один из суперцентральных языков планеты обладает несравнимо большей коммуникативной ценностью, и безупречное владение русским сулит человеку больше материальных благ и лучшие возможности на общероссийском рынке труда. И именно поэтому сохранение миноритар-

ных языков, являясь весьма затратным делом, ожидаемого результата, как правило, не дает, и усилия, предпринимаемые для их сохранения, всегда связаны с движением против течения [Черный, 2015, с. 8].

Что делать? (Вместо заключения)

Распространенное сегодня мнение о том, что для того чтобы вывести современный бурятский язык из состояния кризиса, нужно восстановить ситуацию, существовавшую до перехода на латиницу в 1931 г., имеет множество вариаций. Перейти на монгольский? Перейти на другой диалект? Однако, как справедливо отмечает член монгольской «Академии бурятоведения» Жамьян Санжаа, в данном случае вернее всего будет говорить о необходимости восстановления существовавшего до 1930-х годов пласта бурятского языка, идентичного халха-монгольскому языку и фиксируемого общемонгольской письменностью; преподносить это как переход на халха-монгольский язык или на другой диалект – неправильно [Жамьян Санжаа – эл. ресурс]. Способствовать такому восстановлению сегодня может изучение старомонгольской письменности. Найти другие эффективные способы достижения этой цели еще предстоит.

Между тем правом говорить на родном языке, правом на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества обладает любой гражданин России [Конституция, ст. 26.2], а право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития имеет каждый российский народ [Конституция, ст. 68.3]. И только сами носители способны сохранить свои языки, поскольку живого человеческого языка без носителей в природе не существует [Harrison, 2008, p. 10]. В непростых условиях фактического отсутствия собственной государственности (формирования бурятской нации в рамках российского государства) и усиливающихся процессов глобализации ответственность носителей языка за его жизнеспособность возрастает.

Беспрецедентные темпы исчезновения языков в современном мире беспокоят не только ученых. И если естественные процессы ведут к тому, что через 100 лет сохранится лишь половина языков планеты, то, значит, сегодня бурятский язык, наряду с дру-

гими языками, находящимися под угрозой исчезновения, нуждается в искусственном воссоздании языковой среды, в искусственной поддержке его престижа, т.е. в формировании условий для сохранения межпоколенной трансляции языка, позволяющей смотреть в будущее с надеждой.

Список литературы

1. 03 марта 1937 г. Вечернее заседание. Доклад т. Сталина // Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/30245> (Дата обращения: 03.02.2017.)
2. *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. – М.: Восточная литература, 1996. – 144 с.
3. Бурятия / Отв. ред. Л.Л. Абаетова, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – 633 с.
4. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР, 26 декабря 1919 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (Дата обращения: 10.03.2017.)
5. *Дондуков У.-Ж.Ш.* К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия: (Материалы республиканской научно-практической конференции). – Улан-Удэ, 1998. – С. 145–149.
6. *Доржиева Д.А.* Субэтносы в процессе этнической консолидации бурят: Дисс. ... канд. истор. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 126 с.
7. *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М.: Вестком, 2000. – 352 с.
8. Жамьян Санжаа. Диалектный подход к языку – бесперспективный путь развития // Новости Монголии, Бурятии, Калмыкии, Тувы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/2027> (Дата обращения: 19.02.2014.)
9. Изучаем бурятский язык. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1417794718470934/permalink/1860863967497338/> (Дата обращения: 25.02.2017.)
10. Как вывести из кризиса родной язык? (Интервью с доктором филол. наук В.И. Рассадным, доктором фил. наук И.Д. Бураевым, доктором ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиевым) // Газета «Бурятия». – Улан-Удэ, 2001. – 01 августа.
11. *Карр Э.* История Советской России. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1. – Т. 1–2. – 771 с.
12. *Катунин Д.А.* Статус бурятского языка в современном российском законодательстве // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 353. – С. 17–21.
13. *Катунин Д.А.* Языковое законодательство в республиках Сибири // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 13–24.

14. Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 304 с.
15. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (Дата обращения: 03.02.2017 г.).
16. Крадин Н.Н. Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2014. – № 3 (76). – С. 205–214.
17. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2013. – 304 с.
18. Понне Н.Н. Лингвистические проблемы Восточной Сибири. – М.; Иркутск, 1933. – 54 с.
19. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269#0> (Дата обращения: 11.03.2017.)
20. Раднаева С.Б. История бурятской письменности и становление орфографических норм современного бурятского литературного языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 140 с.
21. Разговор в бистро СВ2 // Сноб. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/28033/blog/74640> (Дата обращения: 06.04.2014.)
22. Сталин И.В. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1952. – Т. 5. – 448 с.
23. Строганова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (Конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). – М.; Иркутск: Наталис, 2001. – 150 с.
24. Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами, (1906–1912 гг.). – 2-е изд., пересм. и дополн. – М.: Логос, 2013. – 373 с.
25. Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (Дата обращения: 10.03.2017.)
26. Черный Ю.Ю. Глобальная борьба за киберпространство и языки: (Доклад на Всемирной встрече экспертов по вопросам сохранения языков и их развития в киберпространстве, г. Ханты-Мансийск, 8 июля 2015 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inion.ru/files/File/Chernyy_Yu_Yu_Global_battle_for_cyberspace_and_languages.pdf (Дата обращения: 27.01.2017.)
27. Чешико С.В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. – М.: Наука, 1996. – 235 с.
28. Чимитдоржиев Ш.Б. Была ли цивилизация у бурят? Раздумья монголоведа. – Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. – 82 с.
29. Harrison D.K. When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge. – Oxford univ. press, 2008. – 292 p.

References

1. 03 marta 1937 g. Veчерnee zasedanie. Doklad t. Stalina // Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma CK VKP (b) 1937 goda. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://istmat.info/node/30245> (Data obrashhenija: 03.02.2017.)
2. *Alpatov V.M.* Nikolaj-Nikolas Poppe. – M.: Vostochnaja literatura, 1996. – 144 s.
3. Burjaty / Otv. red. L.L. Abaeva, N.L. Zhukovskaja. – M.: Nauka, 2004. – 633 s.
4. Dekret SNK o likvidacii bezgramotnosti sredi naselenija RSFSR, 26 dekabnja 1919 g. // Virtual'naja vystavka k 1150-letiju zarozhdenija rossijskoj gosudarstvennosti. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (Data obrashhenija: 10.03.2017.)
5. *Dondukov U.-Zh.Sh.* K voprosu o razvitii burjatskogo literaturnogo jazyka // Problemy istorii i kul'turno-nacional'nogo stroitel'stva v Respublike Burjatija (Materialy respublikanskoj nauchno-praktičeskoj konferencii). – Ulan-Udje, 1998. – C. 145–149.
6. *Dorzhieva D.A.* Subjetnosy v processe jetnicheskoj konsolidacii burjat: Diss. ... kand. istor. nauk. – Ulan-Udje, 2005. – 126 s.
7. *Elaev A.A.* Burjatskij narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie. – M.: Vestkom, 2000. – 352 s.
8. Zham'jan Sanzhaa. Dialektnyj podhod k jazyku – besperspektivnyj put' razvitija // Novosti Mongolii, Burjatii, Kalmykii, Tuvy. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://asiarussia.ru/articles/2027> (Data obrashhenija: 19.02.2014.)
9. Izuchaem burjatskij jazyk. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: <https://www.facebook.com/groups/1417794718470934/permalink/1860863967497338/> (Data obrashhenija: 25.02.2017.)
10. Kak vyvesti iz krizisa rodnoj jazyk? (Interv'ju s doktorom filol. nauk V.I. Rassadinym, doktorom fil. nauk I.D. Buraevym, doktorom ist. nauk Sh.B. Chimitdorzhievym) // Gazeta «Burjatija». – Ulan-Ude, 2001. – 01 avgusta.
11. *Karr Je.* Istorija Sovetskoj Rossii. – M.: Progress, 1990. – Kn. 1. – T. 1–2. – 771 s.
12. *Katunin D.A.* Status burjatskogo jazyka v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. – 2011. – N 353. – S. 17–21.
13. *Katunin D.A.* Jazykovoe zakonodatel'stvo v respublikah Sibiri // Jazyk i kul'tura. – 2009. – N 4. – S. 13–24.
14. *Kozlov V.I.* Nacional'nosti SSSR: Jetnodemograficheskij obzor. – M.: Finansy i statistika, 1982. – 304 s.
15. Konstitucija Rossijskoj Federacii. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.constitution.ru> (Data obrashhenija: 03.02.2017.)
16. *Kradin N.N.* Transformacija skotovodčeskogo hozjajstva u aginskih burjat v nachale XXI veka: sravnitel'nyj analiz // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. – 2014. – N 3 (76). – S. 205–214.
17. *Mastjugina T.M., Perepelkin L.S., Stel'mah V.G.* Nacional'naja politika v Rossii: XVI – nachalo XXI veka. – M.: FORUM: INFRA-M, 2013. – 304 s.
18. *Poppe N.N.* Lingvisticheskie problemy Vostočnoj Sibiri. – M.; Irkutsk, 1933. – 54 s.

19. Postanovlenie SNK SSSR, CK VKP (b) ot 13.03.1938 N 324 «Ob objazatel'nom izuchenii russkogo jazyka v shkolah nacional'nyh respublik i oblastej» // Konsul'tant Pljus. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269#0> (Data obrashhenija: 11.03.2017.)
20. Radnaeva S.B. Istorija burjatskoj pis'mennosti i stanovlenie orfograficheskikh norm sovremennogo burjatskogo literaturnogo jazyka: Diss. ... kand. filol. nauk. – Ulan-Udje, 2000. – 140 s.
21. Razgovor v bistro CB2 // Snob. – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: <https://snob.ru/profile/28033/blog/74640> (Data obrashhenija: 06.04.2014.)
22. Stalin I.V. Sochinenija. – M.: Gospolitizdat, 1952. – T. 5. – 448 s.
23. Stroganova E.A. Burjatskoe nacional'no-kul'turnoe vozrozhdenie (Konec 80-h – seredina 90-h godov XX veka, Respublika Burjatija). – M.; Irkutsk: Natalis, 2001. – 150 s.
24. Trofimov E.N. Rossiya mnogonacional'naja. Politiko-pravovye osnovy upravlenija nacional'nymi processami (1906–1912). – 2-e izd., peresm. i dopoln. – M.: Logos, 2013. – 373 s.
25. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1666 ot 19 dekabrja 2012 g. «O strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 g.» – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (Data obrashhenija: 10.03.2017.)
26. Chernyj Ju.Ju. Global'naja bor'ba za kiberprostranstvo i jazyki: (Doklad na Vsemirnoj vstreche jekspertov po voprosam sohraneniya jazykov i ih razvitiya v kiberprostranstve, g. Hanty-Mansijsk, 8 ijulja 2015 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Mode of access: http://inion.ru/files/File/Chernyy_Yu_Yu_Global_battle_for_cyberspace_and_languages.pdf (Data obrashhenija: 27.01.2017.)
27. Cheshko S.V. Raspad Sovetskogo Sojuza: Jetnopoliticheskij analiz. – M.: Nauka, 1996. – 235 s.
28. Chimitdorzhiev Sh.B. Byla li civilizacija u burjat? Razdum'ja mongoloveda. – Ulan-Udje: Bjelig, 1996. – 82 s.
29. Harrison D.K. When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge. – Oxford univ. press, 2008. – 292 p.